

Рассказ Доброхотова.

Рисунки И. Колесникова

I.

Когда мысли в голове запутывались, а руки начинали нервно подергиваться, Мигуэль бросал работу и уходил из дома. Конечным пунктом его прогулки обычно был полуразвалившийся старинный кастэлло, находившийся в трех километрах от города. Близость города не избавляла это место от плохой репутации, бандитского гнезда. Правда, «золотой век» бандитизма в Испании уже давно миновал, горы прорезались железными дорогами, а через неприступные, казалось, перевалы перекинулись телеграфные сети. И все же бандитизм был еще далеко не изжитым явлением, кое-где в провинции эта уголовная профессия считалась еще «благородным занятием». Мигуэль знал о нелестной славе дороги и кастэлло, но прогулки сюда сделались его привычкой, а бандитов он не боялся — что могли с него взять?

Отец, служивший на химическом заводе, передал ему страсть к химии; она-то и не позволяла ему долго удерживаться на к.-л. службе. Его старший брат Рамон, небезызвестный адвокат с солидным заработком, несколько раз устраивал его на службу, но Мигуэлю приходилось бросать ее: химия заставляла забывать служебную работу. Вот почему Рамон ограничил свои поощрения ежемесячной высылкой некоторой суммы, а Мигуэль весь отдался работам. Он жил в родном городе, в небольшом домике на окраине, оставшемся после отца. С ним жила вынянчившая его и состарившаяся нянька Эмилия, которая и теперь смотрела на него, как на усатого ребенка.

Еще не притупились ужасы европейской войны, а в печати уже подняли вопрос о технике и способах войны будущего. И самым страшным способом борьбы, несомненно, являлись ядовитые газы. Последняя война только дала толчок к дальнейшему изобретению губительных газов, а испытание их над массой, связанной беспощадной дисциплиной, или над глубоко-тыловыми жителями, в ужасающих размерах должно будет применяться в будущей войне. Иприт или горчичный газ, впитывающийся в почву и уничтожающий своими испарениями все живое, отравляющий фосген, вызывающий почти моментальную смерть, люисит, сжигающий даже металлы фтор, газы смещения, вырабатывающиеся из некоторых соединений бензина, и т. д. без конца.

Средство для уничтожения людей придумать гораздо легче, чем найти противовес ему. Вот такую-то задачу и поставил себе Мигуэль. Почти каждый газ требует и своего противогаса. А Мигуэлю хотелось найти универсальное средство против всех газов. Он не скрывал своих работ и в городе смотрели на него, как на чудака, который задался осуществить невозможное. Часто бывает, что ищешь одно, а находишь другое. Вместо противогаса Мигуэль открыл новый газ и пер-

вый же испытал на себе его действие. Но это был «благополучный» газ, так как действовал подобно эфиру при операциях — анестезирующе. Действие его продолжалось 8 — 10 часов и человек после вставал лишь с одурманенной головой.

Открытие огорчило Мигуэля, но все-таки по совету своего друга Бартоломео, жившего в Мадриде, он проследил практическую возможность применения нового газа. Этот последний можно было в особых оболочках выпускать подобно снаряду из орудий на далекое расстояние; при ударе в цель твердое состояние нового вещества превращалось в газ. А объем последнего, как и взрывчатых веществ, превосходил в несколько тысяч раз объем своего твердого состояния. Мало того, из своего твердого состояния новое вещество превращалось в газ в одну стотысячную долю секунды. Для военной техники это было уже «достижением», а для Мигуэля — только огорчением, которое увеличивалось еще тем, что к нему стали поступать предложения о продаже изобретения.

Скверное настроение Мигуэля увеличилось сегодня благодаря полученной им ночью телеграмме о выезде к нему специальной комиссии военного министерства для ознакомления с его изобретением. Неизвестный чужак вдруг превращался в некую величину. Раздраженный написал злое письмо в Мадрид своему другу, Бартоломео.

Мигуэль скоро подошел к старому кастэлло и уселся под одичавшими апельсиновыми деревьями. Чуть-чуть слышный шелест листьев, бледно-голубое небо, видневшееся сквозь листву, действовали на него обыкновенно успокаивающе. Но сегодня он не мог успокоиться — завтра предстояла неприятная встреча с этой комиссией.

Мигуэль поднялся и направился было к дороге, но не сделал и двух десятков шагов, как из-за деревьев вышло несколько человек и окружили его.

Мигуэль остался спокоен: бандитам нечего с него взять. Один из них в маске выступил вперед и сказал:

— Прошу извинения, кабаллеро, мы принуждены задержать вас на некоторое время.

— Говорите проще... чтобы ограбить? К сожалению вашему, конечно, вы ошиблись в расчете на меня.

— Нам ничего не нужно от вас... Пока просим лишь следовать за нами!

Пререкания в таких случаях бесполезны и Мигуэль молча последовал за говорившим. Они прошли через отверстие в стене внутрь кастэлло, а затем через едва заметный вход спустились в подземелье. Здесь было довольно сносное помещение с необходимыми принадлежностями для жилья. Только дневной свет здесь был несколько слабоват. Мигуэль был поражен, войдя сюда: он никогда и не предполагал, чтобы в этих развалинах могло быть какое-нибудь жилье.

— Будьте добры присесть и написать несколько строк вашей... вашей экономке, кажется... Эмилии.

— Чтобы она передала подателю письма десяток другой тысяч пезет? Но вы разочаруетесь, кабаллеро! У меня в доме не наберется и двухсот пезетт.

— Они нам и не нужны!

— Так для чего же я вам нужен? — удивился Мигуэль.

— Напишите, что вы неожиданно должны были уехать на несколько дней в Мадрид.

— Что-о? В Мадрид? Это для чего же?

— Пишите. Не теряйте времени... и будьте уверены, что с вами ничего плохого не произойдет!

— Это невозможно! Завтра я жду из Мадрида военную комиссию, которая...

— Дальше?.. Ты работал над одним изобретением, а открыл другое. Я просил себя — на всякий случай, конечно, — проследить практическую возможность твоего нового газа...

— Ну, я это и сделал.

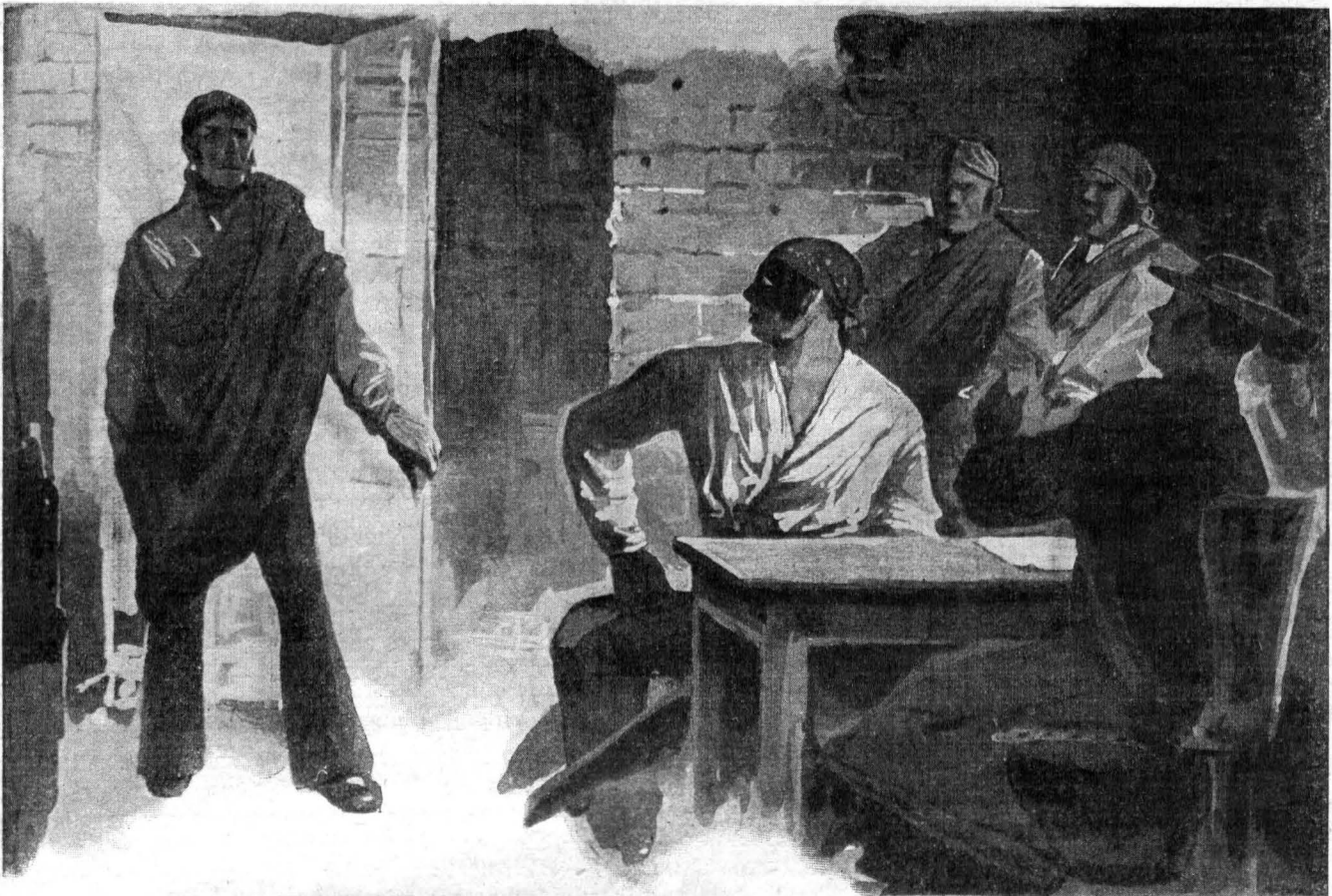
— И тогда же — тоже на всякий случай — я советовал не вызывать шума своими опытами.

— А почему я должен скрывать! — с сердцем спросил Мигуэль.

Бартоломео улыбнулся, как будто бы разговаривал с десятилетним мальчиком.

— По той простой причине, чтобы не иметь неприятностей.

— Каких это?

— Оно уже здесь!.. — раздался голос у входа.

— Вот в этом-то вся суть! Вам не следует видеть эту комиссию по некоторым причинам.

— Чорт возьми! Да позвольте мне знать, что мне следует делать и что не следует.

— Я не имею возможности разъяснить вам в данный момент, но скоро прибудет одно лицо...

— Оно уже здесь!.. — раздался голос у входа.

Мигуэль с изумлением взглянул на вошедшего и как-то растерянно проговорил.

— Ты... Бартоломео!

— Я, я дружище!

Бартоломео сделал движение головой и те, которые пришли с Мигуэлем, вышли.

— Что значит вся эта ерунда? — спросил Мигуэль. — Какие-то бандиты - не - бандиты, потом являешься ты...

— Вот я и хочу объяснить тебе. Никаких бандитов здесь нет. Это мои хорошие знакомые и друзья.

— Ну, и?..

— В роде завтрашнего приезда к тебе военной комиссии.

Мигуэль отступил шаг назад.

— Откуда... ты знаешь? Я только вчера отправил тебе письмо! И откуда знают вот эти... твои знакомые, захватившие меня, как бандиты?

— Это длинная история. После расскажу. Они просили тебя написать Эмилии?

— Да.

— Это потому, что по некоторым причинам я смог задержаться и им пришлось бы действовать без меня. А как — это ты скоро узнаешь. Но не будем терять времени. Тебе предложили сделать опыт в присутствии военной комиссии. Ты его сделаешь? Ты передашь или откроешь секрет твоего изобретения?

— Ни за что! Чтобы дать лишний способ химической войне?

— Так я и думал. А раз ты откажешься, то тебя, как я узнал, могут забрать.

— То есть, как забрать?
 — Ну, так сказать, под почетный арест.
 — Ты не шутишь?
 — Сам знаешь, что я не охотник до шуток! — резко проговорил Бартоломео. — И вот то, что тебя сегодня задержали, тоже сделано не для шутки. Если бы я тебе сказал у тебя дома, что тебя смогут арестовать, то ты, пожалуй, и не стал бы со мной говорить, так бы нелепо показалось тебе. Это первая причина. А вторая та, что с сегодняшним вечерним, как я предполагаю, а возможно, что и с дневным поездом, придут специальные агенты для наблюдения за тобой. Тогда уже ничего нельзя сделать...
 — Так что же ты от меня хочешь?
 — Я? Ничего, конечно! Но может быть ты спросишь, что тебе делать?
 — Да, да, я это и хотел спросить! — радостно ответил Мигуэль.
 — Ты хочешь работать над своей задачей?
 — Еще бы! Мне думается, что я уже почти нащупал более или менее верные принципы...
 — Так! Ты хочешь, и мы хотим...
 — Вы? Кто же это вы?
 — Те, которые ненавидят войну...
 — А! Значит у вас целая... Ну, да это все равно. Раз вы против войны — и я с вами.
 — И если тебя заарестуют, то сможешь ли ты работать?
 — Нет, чорт возьми!
 — Значит... Так как в военном министерстве тебя в лицо не знают...
 — Да и во всем Мадриде никто не знает!
 — И если я немного подстригу свои усы, как у тебя, покороче, и надену твоё платье, то остальное?..

II.

Хотя Эмилия была и стара, но голова у ней работала ясно. Она прочитала записку Мигуэля два раза, сожгла ее по совету Бартоломео, а затем, последний кратко рассказал, что надо делать. Тогда она повела Бартоломео и двоих неизвестных, пришедших с ним, в кабинет Мигуэля. Здесь открыла один из ящиков письменного стола и сказала:

— В этом ящике лежат самые важные, как они там, записки и тетради. Все об его работах. А вот в том переписка... Ну, вы сами разберетесь, что вам надо...

Трое мужчин принялись за осмотр ящиков, стараясь ненужное им складывать обратно в прежнем порядке. Через полчаса Бартоломео держал в руках связку бумаг.

— Клади в чемодан, Капуччино, да запакуй. Больше ничего не будет.

Капуччино положил связку в брезентовый чемодан, а последний всунул в простой мешок из под картофеля с несколькими заплатами.

— Теперь в лабораторию! — сказал Бартоломео.

В лаборатории они взяли несколько указанных Мигуэлем склянок с составами, сложили в корзину и вынесли в сад. Здесь в одном углу находился полуразвалившийся колодец, который Мигуэль все собирався засыпать. Сюда и вывалили все склянки.

— В доме Бартоломео сказал Капуччино:

— Ну, теперь отправляйся и будь осторожен.

— Не беспокойся!

Капуччино вскинул на плечо мешок и ровной походкой направился по дороге к кастелло. Тем временем Бартоломео делал указания другому:

— Здесь можно было бы недурно переночевать, но если ты, Рабледо, утром будешь отсюда выходить и упадешь в поле зрения двух пар глаз...

— То, пожалуй, лопнет и весь план?

— Правильно! Поезд приходит в десять утра с минутами, а в полудиннадцатого я буду, в высокопоставленном обществе... Полагаю, что к этому времени уважающий себя пьяница бывает уже в подходящем на строении...

— Понятно! И густые кусты у дороги, возле сада тоже подходящее место, чтобы выспаться, но во-время проснуться и заметить, кого и как могут отсюда увозить.

— Кажется, мы сговорились. Прощай, Рабледо!

— Прощай, Бартоломео!

Несколько человек вышли из экипажей и через сад направились к дому. У открытых дверей их ожидала Эмилия. Полковник штаба дон Гарсиа Альгабенья Нуньес спросил:

— Мигуэль Коларо дома?

— Да, он ожидает вас! — с поклоном ответила Эмилия.

Вся группа вошла в кабинет. Здесь их встретил Бартоломео. Дон Гарсиа назвал себя, представил капитана Диего Костаньеса, двух химиков и чиновника министерства. Затем объяснил цель приезда.

— Следовательно, вы хотите, чтобы я сегодня же приступил к опыту? — спросил Бартоломео, совсем не плохо чувствуя себя в роли Мигуэля

— Да, конечно.

— Но для меня несколько непонятно, почему я должен сделать опыты для военного министерства?

— Как? — удивился дон Гарсиа. — Здесь все ясно! Ваше изобретение может иметь большое значение для нашей военной техники, судя по тому шуму, который подняли газеты, очевидно, вами информированные.

— Да, но газеты как-то вдруг и перестали шуметь! — заметил Бартоломео.

— Им пришлось замолчать! — с любезной улыбкой вмешался капитан Костаньес. — Согласитесь, что этот шум смог бы нарушить интересы государства.

— Итак, — продолжал полковник Гарсиа, — вы делаете опыты, хорошенько ознакомите нас с вашим изобретением и, если результаты совпадут с газетным шумом, то вам придется отправиться в Мадрид.

— Зачем?

— Потому что ваши дальнейшие работы должны быть обставлены под строгим секретом, и кроме того, мы будем вас кое от кого оберегать. Понимаете, вы уже тогда являетесь... как бы собственником государства.

— Как? — притворился удивленный Бартоломео. — Тогда я, следовательно, буду связан по рукам и ногам, не смогу и шагу ступить без чьего-то постороннего глаза?

— Совершенно верно.

— В таком случае... я думаю, что мои опыты... будут неудачны.

— А... а! Я бы советовал вам подумать...

Бартоломео жил в великолепной вилле. Искусно сервированный стол, блюда знатока-повара, тонкие вина, ароматные сигары — Бартоломео и не подумал отказываться от этого. Прислуживали ему лакей и служанка.

Дом полуокружал отличный сад. Пальмы, лавровые деревья, апельсиновые и лимонные, стройные кипарисы, платаны, замечательный розариум, цветники всевозможных окрасок. Бартоломео с удовольствием про-

водил время в саду. Он был совершенно свободен в распределении своего времени, но ограничен в месте. Сад окружала высокая каменная стена. Были глухие ворота с такой же калиткой, но Бартоломео не мог видеть — стоит ли за воротами часовая или нет. Но понимал, что надзор здесь был поставлен очень тонко.

Часто он засиживался на широкой скамье у ограды. О побеге пока что Бартоломео и не думал, но все же, отчасти из любопытства, отчасти от ничегонеделания, он изучал свою аристократическую тюрьму.

В одном месте, почти у самой стены, росли высокие платаны. Если влезть на них, то по сучьям легко пройти на стену. Бартоломео подивился было такому упущению тюремщиков, но скоро сообразил, что место, где стояли как бы случайно у стены эти деревья, очевидно, пользовалось особым вниманием. И если кто-нибудь вздумал бы бежать, то деревья у ограды представляли наиболее легкий способ побега и наиболее удобный... для задержания беглеца за оградой.

Бартоломео бросил деревья и стал интересоваться каким бы образом можно было перебраться через стену там, где не росло деревьев. Если бы что-нибудь приставить к стене в рост человека, встать на это и тогда на стену можно было бы подтянуться на руках. Подходящим предметом здесь была скамейка. Если оторвать доску и приставить ее, то остальное уже пустяки. Доска солидная, столбы тоже и врыты в землю, видимо, основательно. Оторвать доску от столбов без шума да и без какого-нибудь приспособления было трудно. Бартоломео попробовал было взяться за доску руками и... с изумлением отнял руки: доска отделялась от столбов и без особого усилия.

Он присвистнул и тихо рассмеялся.

— Молодцы! Тонко же это у вас устроено.

Тюремщики облегчали попытку побега, чтобы знать — как относиться к узнику.

Бартоломео видел только трех человек: лакея, служанку и повара, но он чувствовал, что в вилле гораздо больше глаз... Полковник Гарсиа особенно не беспокоил его, а во время посещений советовал лишь «подумать» и заняться в лаборатории, которая была устроена в одной из комнат.

Три раза у Бартоломео случился жар и бред по ночам. После первого раза услужливый лакей Франциско на утро сказал:

— Дон Мигуэль, кажется, плохо спали... Не вызывать ли доктора?

Но Бартоломео отказался; очевидно, его во время вечерней прогулки на холодном ветре немного прохватило.

Во второй раз Франциско заметил, что «дон Мигуэль с вечера выпили много крепкого вина», но Бартоломео никак не мог вспомнить — действительно ли он выпил вечером много вина, хотя вообще он пил очень мало.

Но на третий раз Бартоломео успел несколько подумать над своим непонятным бредом по ночам. И когда у него поднялся жар, то он напряг всю свою силу воли и сознания не потерял. И вот в это время он чувствовал, что вблизи него кто-то находится...

Как-то после обеда служанка Розина пришла к Бартоломео в слезах. Что угодно, но только не слез ожидал он от служащих этой виллы-тюрьмы.

Что с вами, Розина?

— Дон Мигуэль... Я...

Между слезами она рассказала, что вытирала пыль в лаборатории, задела несколько сосудов с жидкостями, и они разбились. Теперь с нее спросят и даже уволят

со службы. Если бы дон Мигуэль был так добр и взял на себя... Ведь он же может разбить любые склянки?

Бартоломео отправился с ней в лабораторию, куда до этого заглянул лишь один раз. На полу валялись осколки в разлившейся жидкости.

— Хорошо, Розина, скажите, что разбил я!

Розина стала благодарить, а потом испугалась.

— Дон Мигуэль... а это не ядовитая жидкость? Вдруг мы отравимся...

— Ну, знаете, в этом я ничего не понимаю! — как-то не думая, ответил Бартоломео.

Он сейчас же пожалел о таком необдуманном ответе. Однако, у Розины получилось иное впечатление: дон Мигуэль просто не хочет прикасаться к лаборатории.

Бред по ночам, случайные вопросы, разбитые склянки и ряд других уловок, все это имело целью вызвать желание работать в лаборатории или как-нибудь случайно или бессознательно, как в бреду, открыть секрет изобретения. Бартоломео каждый день ждал новых штук, но ждал со злорадством. Возможно, что в конце концов случайно или не случайно они и добились бы чего-нибудь, если бы Бартоломео был химиком, во-первых, и если бы он знал секрет Мигуэля Коларо, во-вторых.

Однажды, подходит к нему Франциско и сообщает, что его желает видеть какой-то господин. Бартоломео отправился в дом. В гостиной его ожидал неизвестный представительный господин, который после взаимных поклонов, сказал:

— Я Рамон Коларо и хотел бы видеть своего брата Мигуэля.

Бартоломео стиснул зубы, вот результат упущения в его планах. Рассказать все Рамону было бессмысленно по той причине, что их разговор слушала, конечно, не одна пара ушей. Бартоломео коротко вздохнул: приходилось показывать карты.

— Вашего брата Мигуэля здесь нет. Я заменяю его.

Рамон с недоумением спросил:

— Где же мой брат?

— Где именно, я не знаю, но во всяком случае за пределами Испании...

Через несколько минут полковник Гарсиа в ярости сломал телефонную трубку в своей квартире. Телефоны заработали, телеграфные провода загудели, передавая срочные распоряжения, но когда агенты подошли к дому Мигуэля, то он оказался заколоченным. Старуха же Эмилия неизвестно куда уехала. А в одну из мадридских тюрем прибыл новый узник. — Пабло Медина.

IV.

Контраст между старой и новой тюремной обстановкой был непередаваем. Бартоломео ожидал этого и зря не нервничал в сырой и грязной камере. В первый же день своего пребывания он принимался несколько раз хохотать, представляя себе физиономию полковника Гарсиа, узнавшего о подложности своего узника. А потом задал себе вопрос:

— Сколько же придется здесь просидеть?

Месяц уже прошел, а дальше? Год, три, пять? Этого он не допускал, потому что на воле кое-кто думал о нем. Думал и он сам. И если в своей первой и роскошной клетке-вилле он откидывал мысль о побеге, то здесь она заполняла все его дни и ночи. И чем труднее казался побег из тюрьмы, тем крепче засела в нем мысль о побеге...

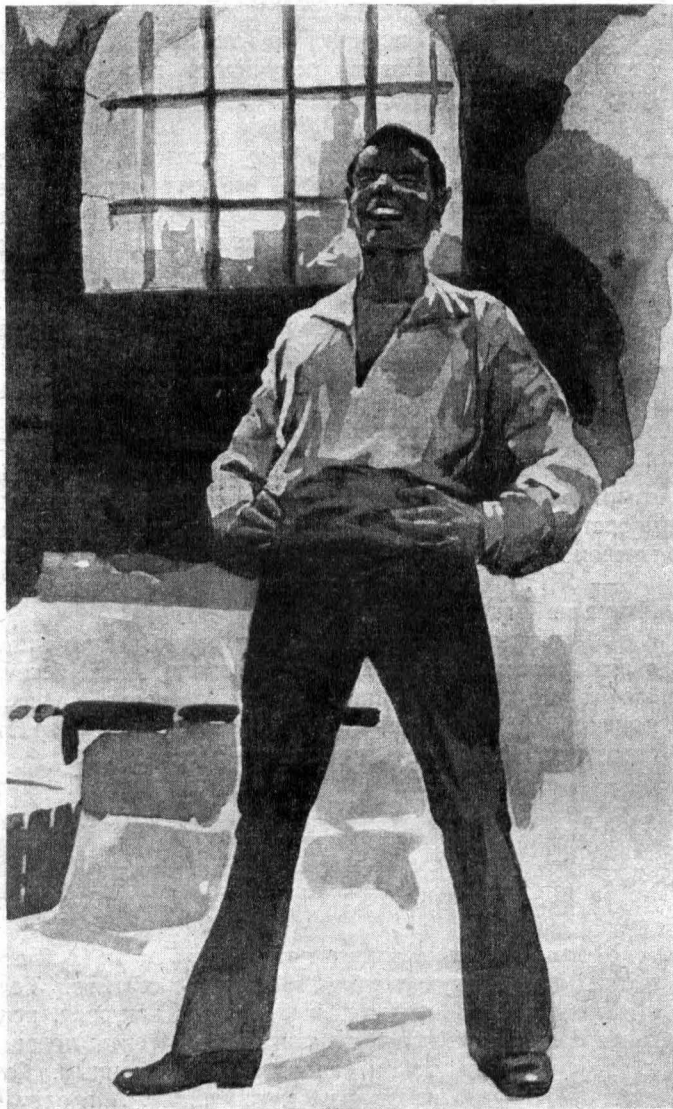
Дверь камеры открылась. Надзиратель пропустил какого-то человека, но сам остался в коридоре, слегка прикрыв дверь.

— Вас зовут Пабло Медина?

— Да.

— Я — тюремный врач. Вы просили меня к себе?

Бартоломео хотел было ответить, что он вовсе и не думал об этом, как увидел, что врач слегка кивнул головой.

Он принимался несколько раз хохотать.

— Да, просил.

— Что у вас?

Одновременно с этим вопросом, врач поправил свой галстук.

— У меня болит грудь. Вот уже...

Бартоломео стал плести целый рассказ. А когда он кончил, врач сказал:

— Давайте посмотрим. Разденьтесь.

Бартоломео разделся. Врач выслушивал его, постукивал и в это время шепнул:

— По поручению Мигуэля...

Ни малейший мускул не дрогнул у Бартоломео, как будто бы он ничего не слышал.

— Да... Понимаю... Обычная история... Надо вам лечь в больницу. Мое дело осмотреть вас и доложить начальству. А остальное уже зависит отсюда... Вероятно, вас переведут для лечения...

Прошло около недели, пока Бартоломео перевели в больницу. Через день, во время своего утреннего осмотра, врач сказал Бартоломео, когда около них никого не было:

— Вам нужно обязательно худеть...

— Как?

— Микстуру вы пейте, вещь безобидная, а вот пузырек... берите его незаметно... Раз в день по десять капель...

Время шло и Бартоломео исхудал, а его сосед по палате, срочный узник, с каждым днем все быстрее направлялся к смерти. Однажды, под вечер, врач вошел с дежурной сиделкой, стал тщательно осматривать умирающего и потом сказал сиделке:

— Сходите к дежурной сестре, пусть она приговит этому... она знает что... и принесите сюда.

Сиделка вышла. Врач повернулся к Бартоломео, дал ему небольшой сверток и произнес:

— Спрячьте!.. Так... Внимание. Ваш сосед через час — не больше — умрет. Около девяти вечера, когда здесь все уснут, идите в уборную и выкрасьте свои волосы и усы... Здесь в пакете все, что надо. С вашей худобой и подкрашенными волосами вы сойдете за соседа. После улучите момент и переложите покойника на свою койку, а сами — на его... Будьте ловки... Тогда все сойдет отлично. В пакете найдете две облатки... Примите их, тогда ваше дыхание не выдаст... Потеряете сознание — не бойтесь. Счастливо!..

Бартоломео очнулся... Раскрытые глаза встретились с полным мраком, но он не пошевелился. Соображал — где он находится? Помнит, что обменялся местами с покойным соседом по палате, незаметно для других больных, хотя, вероятно, они уже все спали. После этого принял соответствующее положение на койке, проглотил облатки и вот только теперь очнулся...

Он пощупал слегка пальцами то, что облегало его голое тело. Что же это надето на нем? Э... э... Ясно, что то, что одевают на покойника. А раз он покойник... Чорт побери! Да ведь он в гробу лежит!.. Вот почему так тесно лежать!

Бартоломео стал думать. То, что было до этого, все для него понятно, а вот что теперь ему делать — он не имеет ни малейшего представления. Самое простое, казалось бы, поднять крышку гроба. Но где же, собственно, стоит гроб? Что не в могиле — это несомненно, потому что хотя и не важно, но дышать пока можно. Но что же это за помещение, куда внесли или привезли гроб с живым мертвецом?..

А в это время к кладбищенской часовне подошли три человека, неся какой-то тяжелый предмет.

В такой темноте без глаз останешься! — тихо проговорил один из них.

— Разберемся... Дверь, вероятно, не закрыта...

— Да я узнал, что ее никогда не закрывают...

А впрочем... Ну?

— Открыта, входи!

Они вошли в часовню и прикрыли дверь. Один из них осветил электрическим фонариком часовню.

— Гроб здесь... Давай инструмент...

Через полминуты крышка гроба медленно была приподнята.

Бартоломео!..

— Жив, друзья!

— Ну-у! Еще бы тебе помереть! Вылезай осторожно.

Вместо живого покойника в гроб положили принесенную с собой ореховую пластину, крышку прижали,

вставили гвозди в прежние отверстия, и вышли из часовни.

Поезд мчался...

Друзья сидели в отдельном купе и слушали подробный рассказ Бартоломео. А когда он кончил, то Рабледо сказал:

— А все таки, сознайся, ведь ты недурно провел эти месяцы?

— Великолпно! Какая замечательная смена впечатлений! Эта шикарная вилла. затем, прокислая камера в тюрьме, больница и, наконец, гроб...

— И впереди?

— А впереди... У Мигуэля с изобретением как будто бы двигается?

— Да, говорит, что идет не плохо.

— Ну, значит, и мы для чего-нибудь пригодимся.

